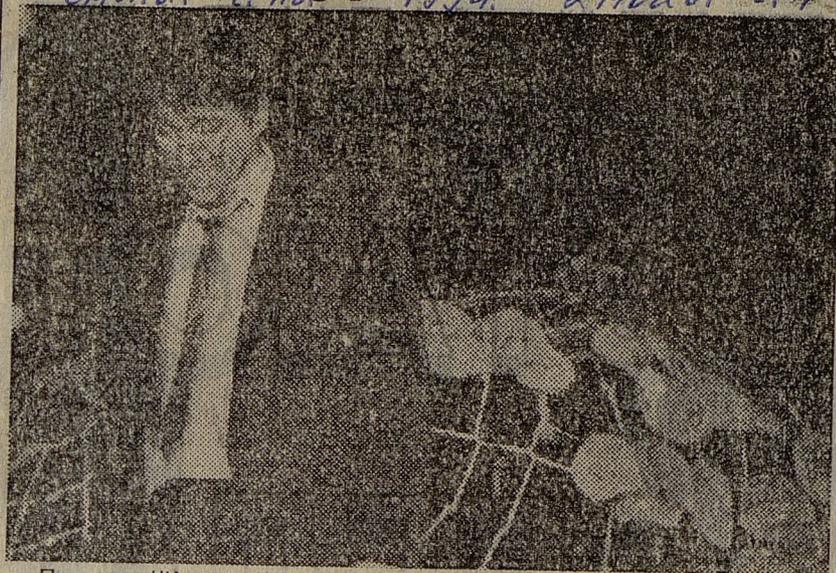

"Колобок", который испек Курехин

Смена - с.по - 1994 - 2 ноября с.7

При слове "Курехин" - уже смешно.

Обаяние его заставляет публику каждый раз прощать ему то, что никогда не простила бы другому. Обаяние Курехина - часть его эстетики.

Фестиваль Свободных Искусств в "Балтийском доме" увенчало очередное курехинское действо под названием "Колобок". В рекордно короткие сроки оно было "организовано" Курехиным в декорациях выпускавшегося в театре "Ревизора", с использованием как подручного, так и специально изготовленного реквизита, вместе с группой единомышленников-исполнителей (киноактер Александр Баширов, поэт Дмитрий Александрович Пригов, администратор "Ленфильма" Юлия Соболевская, некрореалисты Евгений Юфит и Циркуль, художник Тимур Новиков). Организовано для "одноразового употребления".

Ждали, как было обещано, "музыкальную драму". Но музыки - кроме двух небольших выступлений фольклорного трио "Северные ворота" да короткой импровизации самого Курехина на рояле - в "Колобок" не было. Рассчитывали увидеть очередную серию "Поп-механики". А увидели другое.

Поначалу - традиционный вроде бы, реалистический театр. Быгозая история - Сережа (Курехин) приезжает из Омска спустя 15 лет в Москву, к другу-однокурснику Саше (Баширову). Вызывают друзей - Юльку, Димку, ставшего известным поэтом и декламирующего непрерывно свои (приговские) стихи.

Играют жутко. Текст мерзопакостный (чего стоят, к примеру, реплики о некоем Игоре, которому на вокзале отрезали ноги). Ритм "плавает". Большинство мизансцен - случайные. Да и как иначе, когда львиная доля всего, что проделывают исполнители, - полная импровизация?

Но смотришь - однако же - с интересом и с удовольствием.

Сходство с драматическим театром здесь лишь внешнее - потому и привычные критерии неуместны. Под видом традиционного спектакля идет игра совсем другая. Игра с типичными курехинскими "приколами", рассчитанная именно на такой фестивально-тусовочный зал и вызывающая отклики у самых разных его представителей - от интеллектуалов типа Кривулина до "жлобовато-гопницкой" части тусовки, дополнительно озвучивающей действо из зала. Жизнерадостный Курехин, убеждающий нас, что 15 лет он безвылазно провел в Омске и работал в газете, - это уже само по себе мощный прикол. Игра с имиджами, художественными, артистическими масками - именно она создает в зале атмосферу достаточно легкую и праздничную. Наконец, игра со знакомыми клише, с "совковыми" деталями (вызывающими сегодня не только насмешку, но и ностальгию) - именно она придает действию один драматургический импульс за другим. Сценический текст - при всех томительных порой длиннотах и накладках - строится по четким законам концептуалистского текста (классику отечественного концептуализма Дмитрию Александровичу Пригову явно в замысле принадлежит не последняя роль). Доля легкого абсурда, "шизухи" сперва вплетается в бит, разреживая его (то водопроводчики Юфит и Циркуль молча вносят в квартиру огромную трубу, бросают ее и, не замечая изумленных Сашу с Сережей, удаляются; то Баширов непрерывно уговаривает Курехина "полежать", и друзья снимают штаны в момент появления Юлии). Абсурд, как и положено, сгу-

щается, привычные уже правила игры, идентификация персонажей, пространство-время - все рушится; действие со скрежетом делает несколько поворотов, являя нам то мистический обряд пробуждения от сна "спящей царевны" (Циркуль), заточенной в стеклянной витрине, то - превращение всех знакомых персонажей в участников странной мистерии (чеховской по цитатам и аллюзиям, метерлинковской по духу, приговской по ощущению от произносимого текста)...

Относиться слишком серьезно к тому, что делает Курехин, ни в коем случае нельзя. Однако явно неспроста перед премьерой "в массы" были пущены две теории (идейные обоснования постановки) - о Колобке как андрогинном существе, в имени которого "спрятаны" мужской и женский атрибуты, и о социальном феномене семидесятничества. Что ж, если персонаж Курехина и напоминает сказочно-мифологического Колобка, то не больше, чем сам Курехин в обыденной жизни; семидесятнический же миф прочерчен еле заметным пунктиром, иронически взаимодействуя с конкретными фигурами исполнителей (ведь если они и были семидесятниками, то явно не типичными - вряд ли пели под гитару Высоцкого и вряд ли уезжали после вуза на 15 лет в провинцию).

Как насчет 70-х, не знаю, но дух 90-х в "черном карнавале", организованном Курехиным со товарищи, присутствует несомненно. Смешение быта и аномалии, живого и неживого, "смеха и смерти", идеального и бытафорского, поэзии и машинерии, мистического и донельзя заземленного, верха и низа - вся нерасторжимая жизненная гамма со всеми диссонансами звучит в курехинском "Колобок". Гигантский по л л л л л проволочный каркас, увешанный лавашами, на который грузно карабкается Циркуль, пытаясь застыть в скульптурной позе - прекрасный и точный символ, выхваченный из сегодняшнего времени. Зрители, облепившие Колобок по окончании действия и едущие с него лавашки - пример жизнеспособности символа, бытования его во внехудожественной реальности. А настоящий экскаватор (апофеоз действия!), выезжающий на несколько секунд из глубины сцены, в ковше которого, стоя, декламирует что-то патетическое поэт Пригов? Символический образ современной бессмысленной гигантомании, внедряющейся то и дело в наш быт...

Большинство художников, занимающихся акциями (провокациями, житнетворчеством, мистериальным театром и т.д.) страдает излишне серьезным, мессианским отношением к себе и своим занятиям. Иное дело - Курехин. Дух беспечности, движение между вольной художнической фантазией, "моцартианством", и обаятельным "шарлатанством" (пусть даже последнее преобладает) - вот что выгодно отличает Курехина от всех остальных. Мастер Курехин еще раз доказал, что он великолепный организатор создаваемой им новой реальности, смешивающий - в духе времени - художественное с внехудожественным и добивающийся неизменно превосходного результата. Эстетика Курехина антиагрессивна. Ей могло бы найтись применение не только в арт-тусовке, но и в иных сферах и структурах. Вплоть до властных. Вплоть, скажем, до нынешней Государственной Думы... Однако это тема уже другая.

Максим МАКСИМОВ

Фото Феликса ТИТОВА